

Евгений Карнович

Четыре мешка

*Часть сборника
Очерки и рассказы из
старинного быта Польши*

Евгений Петрович Карнович

Четыре мешка

(Очерки и рассказы из старинного быта
Польши)

«Любимым местопребыванием пана Николая Потоцкого было наследственное его местечко Бучач на Подоле. Местечко это расположено среди самых живописных окрестностей, на реке Стрыпе. Здесь, по низменным берегам извилистой реки, текущей между холмами, виднеются среди зелени пирамидальных тополей несколько костёлов, базилианский монастырь, ратуша и сотни полторы небольших домиков, рассеянных по холмам и по долине.

Весело, правда на свой лад, жил староста в Бучаче; однако и ему один раз, по милости четырёх мешков, привелось испытать такое неожиданное, страшное горе, о каком он, конечно, никогда не мог даже и помыслить...»

Евгений Петрович Карнович

Четыре мешка

На Подоле ещё донныне среди простонародья слышатся в песнях и в преданиях рассказы о старóсте каневском [1], ясновельможном пане Николае Потоцком; много также сохраняется в Польше и в Литве разных анекдотов и повествований о его странностях и причудах; а один из его современников, Карпинский, описал подробно всю жизнь старóсты каневского. Если верить книге Карпинского, старóста каневский был каким-то извергом, потому что он, по словам своего биографа, собственною рукою убил, по крайней мере, сорок человек. Впрочем, такие рассказы не могут заслуживать доверия. Карпинский, как известно, был противником Потоцкого в политических стремлениях; он принадлежал к партии короля Станислава Понятовского, с которым так настойчиво боролся Потоцкий. Притом и народные предания, рассказывая о многих проделках ясновельможного пана, не упоминают о таких жестокостях, но представляют Потоцкого только каким-то чудаком и забиякой, каким он и был на самом деле.

Много можно привести рассказов о странностях своевольного магната, между прочим

о том, как он жил среди базилианских монахов в Почаеве, как он лечил их, как он там казался и сокрушался сердцем о своих грехах. Тело Потоцкого, умершего 15 июля 1782 года, доныне ещё лежит в том же монастыре.

Любимым местопребыванием пана Николая Потоцкого было наследственное его местечко Бучач на Подоле. Местечко это расположено среди самых живописных окрестностей, на реке Стрыпе. Здесь, по низменным берегам извиливой реки, текущей между холмами, виднеются среди зелени пирамидальных тополей несколько костёлов, базилианский монастырь, ратуша и сотни полторы небольших домиков, рассеянных по холмам и по долине.

В стороне, над местечком, на высокой горе, поросшей плотным кустарником, стоят ещё и теперь развалины огромного и некогда великолепного замка: здесь жил староста каневский. Невдалеке от местечка находился ещё в былое время другой небольшой замок, в котором, среди тоски и горя, провела свою жизнь жена старосты, Мария Анна, славившаяся в околотке красотой и добротой сердца. В то

время, когда замок Потоцкого оглашался шумными пирами, весёлыми криками и нечестивыми потехами, в жилище его жены слышались только тихие молитвы.

Весело, правда на свой лад, жил староста в Бучаче; однако и ему один раз, по милости четырёх мешков, привелось испытать такое неожиданное, страшное горе, о каком он, конечно, никогда не мог даже и помыслить.

Дело началось, для того времени, очень просто.

Недалеко от местечка, в котором пировал и своевольничал Потоцкий, стояла на большой проезжей дороге корчма. Был жаркий летний день; солнце палило удушливо; в неподвижном воздухе было так тихо, что золотистая рожь, дозревавшая по окраинам большой дороги, не колыхалась даже ни одним колосом. Проезжих в такой жар не было; все бежали от солнечного припёка в прохладную тень и укрывались там, ожидая, когда спадёт дневной жар, чтобы отправиться дальше в дорогу. Поэтому, в растворённые настежь ворота корчмы никто не въезжал в это время.

На дворе корчмы стоял конь, привязанный к деревянной колоде; а на столбе, близ колоды, были развешаны седло, подпруга, уздечка, пара пистолетов и сабля. По всему этому видно было, что в корчму заехал освежиться какой-нибудь странствовавший шляхтич.

Действительно, в одной из комнат корчмы – молодой, высокий и плечистый мужчина добывал из дорожного вьюка разные мелкие принадлежности, необходимые в пути. Пересмотрев в порядке ли всё имущество, шляхтич хотел прилечь отдохнуть, как вдруг на дороге, а вслед затем и под самыми окнами корчмы, послышались конский топот и шум въехавшего в ворота тяжёлого экипажа.

Известно, что содержатели корчм всегда радуются заезжим гостям. Но на этот раз Ицко, содержатель прибувачской корчмы, сунувшийся было в окошко, отскочил от него, как ошпаренный, и бледный, трясясь всем телом, едва мог вскрикнуть: "ай, вай! старóстес!" С этими словами он опрометью кинулся из корчмы.

В сенях между тем раздалось множество голосов и послышались грозные крики на

растерявшегося Ицку.

Шляхтич, услышав шум, раздумал уже ложиться отдыхать и в ожидании вновь прибывших путников уселся на лавке подле стола. Вдруг дверь широко распахнулась. Ицко показался на пороге; одной рукой он держался за дверную скобку, в другой руке была у него ермолка, которую он, низко нагибаясь всем телом, опускал до самого полу, в знак своего уважения к шедшему следом за ним путешественнику.

Вошедший за Ицкой мужчина был человек уже пожилой, высокого роста; голова его была выбрита и только на макушке висел длинный чуб; длинные усы закрывали ему рот, глаза смотрели сурово. Лоб и толстый подбородок были покрыты множеством глубоких морщин. На нём был надет суконный кунтуш фиолетового цвета, доходивший до колен, с рукавами наотлёт; под кунтушем был атласный жупан светло-небесного цвета, застёгнутый под шеей брильянтовой запонкой. Опоясан он был литым серебряным поясом, с золотой бахромой наперед; у пояса, на шёлковой тесьме, была привешена кривая

сабля с дорогой рукоятью.

Когда вошёл новый гость шляхтич встал с места, сделал несколько шагов вперёд и отвесил вошедшему пану низкий поклон.

– Откуда и зачем едешь один? – спросил грозно важный пан.

– Служил я при дворе покойного каштеляна Коссаковского, – отвечал почтительно шляхтич.

– Так-то... – проговорил протяжно пан.

– Да, ясновельможный, – перебил шляхтич, – я служил у разных панов, и служил у них и верно и честно.

– Порядочный слуга не трёт углов по корчмам! – крикнул сердито староста.

– Я делаю это только во время дороги, – пробормотал оробелый шляхтич, – видит Бог, не иначе, ясновельможный пан.

– Знаю, знаю, и камень прирастает к месту, а ваш брат любит шляться с места на место.

– Что ж делать, ясновельможный! Человек ищет себе хлеба, и потому делает то что принуждён делать.

– Да кто ж тебя-то, брат, принуждает? Ведь ты сам говорил, что у тебя было место?

– Да; но Бог скоро прибрал в свою славу нашего пана; всем нам пришлось промышлять о себе, и теперь я ищу куска хлеба.

– А зачем искать? – спросил грозно Потоцкий. – Разве мой хлеб твёрд для твоих зубов?

– Высоки пороги у ясновельможного пана, а я человек неважный, – отвечал смиренно шляхтич, почтительно кланяясь Потоцкому.

– Ничего, брат, это ничего, – заметил Потоцкий, – если идёшь собирать грибы, клади каждый гриб в корзину; а то ваш братъ объезжает мой двор, как будто в нём чума.

– Если б я мог пригодиться на что-нибудь ясновельможному пану, – поспешил заметить шляхтич.

С этими словами он опустил смиренно глаза, низко нагнулся и прикоснулся к старосте ниже колена тремя пальцами.

– Разве годится так шляться? едешь как какой-нибудь старый дед с торбой! Что у тебя здесь? – спросил вдруг староста, взглянув на дорожный вьюк шляхтича.

– Пустяки, ясновельможный пан, – так, разные вещички, необходимые в дороге и для лошади и для человека.

– Это хорошо, – заметил снисходительно Потоцкий. – Что ж у тебя там?

– Скребница, щётка, гребень, бритва, есть кое-что из белья и из платья, а также кусок полотна и кусок кожи для заплаток.

– А ножницы есть?

– Есть, ясновельможный.

– А иголка, нитки, шило, дратва?

– И это есть, ясновельможный.

– А обсечка для подков, а щипцы, а молоток?

– И это есть, ясновельможный.

– Покажи же мне всё это.

– Будто бы вашей милости угодно видеть всю эту дрянь?.. – отвечал шляхтич, заминаясь и почёсывая свой чуб.

– Покажи, покажи, любезный, – повторил приветливо Потоцкий, – я хочу убедиться не врёшь ли ты.

Шляхтич развязал свой мешок, вынул оттуда всё то, что спрашивал у него ясновельможный и разложил на столе своё имущество. Староста пересмотрел всё с большим вниманием.

– А где шнипер, чтоб кровь пускать? –

вдруг грозно спросил Потоцкий, пристально взглянув на шляхтича.

Шнипера не оказалось.

– Что ж ты, братец мой, будешь делать, заговорил ясновельможный, – если у тебя конь захворает в дороге, да особенно в такие жары? – Настоящий шляхтич, – продолжал учительным голосом Потоцкий, – должен иметь при себе всё, что может понадобится в дороге и для человека и для лошади. Ты должен был иметь для лошади шнипер, а для себя ложку, нож, вилку, соль и перец. Где ты всё это достанешь в дороге? У тебя всего этого я что-то не вижу. Так какой же ты шляхтич, если ты не имеешь при себе всего необходимого? Эй! Иванка! – крикнул староста, отворивши дверь в сени.

На зов пана вскочил в комнату огромный детина и остановился, как вкопанный, ожидая приказаний.

– Взять его, – пусть попляшет, – сказал грозно Потоцкий, показывая на шляхтича. – Он уж имеет от меня грамоту; нужно только приложить печать. Сорок плетей ему, – не больше!

Казак опрометью кинулся за своими товарищами. Шляхтич тоже было кинулся в двери за своей саблей, но не успел добежать до неё, как его обступила толпа казаков. С храбростью ничего не сделаешь против силы. Как ни отбивался, как ни барахтался шляхтич, казаки повалили его на землю; двое сели к нему на плечи, двое держали за руки и четверо за ноги. Началась расправа. Потоцкий молча смотрел на это.

– Ясный пан! Видит Бог, что я шляхтич! Ой, ой! – кричал наказываемый.

Не помогло ничто. Он получил сполна назначенное ему число плетей.

– Это, брат, ничего, – сказал Потоцкий, махнув рукой в то время, как шляхтич приподнимался с ковра, – это ничего; ты молокосос, а я старик, – помни, ты сам поблагодаришь меня за науку; она в лес не убежит.

Казалось, затем только и приезжал ясно-вельможный в корчму, потому что тотчас же после этого из ворот корчмы выкатила запряжённая шестериком коляска; в ней, полулёжа, сидел Потоцкий; шесть казаков ехало впереди экипажа и столько же сзади. Послыша-

лись потом конское ржание, гиканье, хлопанье бичей, и весь поезд понёсся вихрем по пыльной дороге.

Отъезжая от корчмы, Потоцкий дружески кивнул шляхтичу головой на прощанье. Бедняк стоял как ошеломлённый; он не мог ещё придти в себя, и сам не знал что с ним сделалось.

Кое-как добрался шляхтич до корчмы; пуститься верхом в дорогу не было никакой возможности. Заботливый Ицко натаскал в комнату сена и уложил на него шляхтича. Закрывшись плащом, шляхтич охал и скрежетал зубами. В течение нескольких дней Ицко имел попечение о его коне, а жена Ицки грела вино с мылом, и этим целебным составом натирался несчастный шляхтич, проклиная в душе виновника своих бед.

Между тем в то время, как в корчме лежал шляхтич, туда явился пан Юзеф, старинный приятель больного шляхтича. Он возвращался домой и зашёл в корчму для того только, чтоб закурить свою трубку. Увидав на дворе знакомого вороного коня с белой отметкой на ноге и со стрелкой на лбу, он догадался, что в

корчме должен быть его приятель, владелец этого коня, пан Ян. Пан Юзеф поспешил навещать своего старого товарища.

– Что с тобой сделалось, пан Ян? – спросил Юзеф.

– Болен я не болен, но дал мне знать себя этот каневский пёс, – проворчал шляхтич, – отнял он у меня и хлеб и здоровье. Пусть его за меня Господь Бог накажет, да только хорошенько!

– Знаю, знаю, – заметил пан Юзеф, – мне кое-что порассказал Ицко о твоём несчастье. Слушай же однако, – продолжал пан Юзеф, – ведь ты будешь никуда негодная баба, если не отплатишь Потоцкому своей обиды!

– Да что ж я-то сделаю?.. – возразил печальным голосом шляхтич, – он сильный пан, ездит всегда с огромной дворней, а я человек ничтожный, одинокий.

– Как будто мы с тобой хуже чем-нибудь Потоцкого! – с гордостью возразил пан Юзеф, – да разве мы с тобой не такие же шляхтичи, как он! Ведь ты знаешь пословицу: "Шляхтич в огороде равен воеводе".

– Знаю, знаю, – пробормотал пан Ян, повёр-

тываясь с трудом на сене.

– Лежи спокойно и слушай что я расскажу тебе, – заметил Юзеф. – С этими словами, он подвинул скамейку к сену, на котором лежал его хворый приятель, и начал рассказывать следующее:

– Староста поставил около Бучача каменный столб с изображением Божией Матери и дал обет сидеть под этим столбом каждую субботу и собирать подаяние. Сидит он там одетый не так, как всегда, а наряжается для этого в лохмотья, привешивает длинную седую бороду и привязывает по бокам сумы, – переодевается он так, что его не легко и узнаешь. Он делает вид, будто молится и просит подаяния, а на самом-то деле он подслушивает, что говорят и как отзываются проезжие насчёт разных его острот, которые он велел написать на столбе. Когда выздоровеешь, не забудь об этом и отплати ему хорошенько. Ты ведь и сам по себе парень здоровый, справишься с ним и один: а если хочешь, пригласи меня, да ещё одного из своих товарищей. Когда нам удастся расправиться хорошенько со старостой, мы хорошенько погуляем в Те-

ребовле, а побудем говеть у отцов-августиа-
нов.

Ян не отвечал ничего, но только раздумывал над рассказом своего доброго приятеля.

– Да разве он тебя только одного так обидел! – продолжал пан Юзеф. – Что он обидел нашего брата, бедного шляхтича, так тут нет ничего удивительного; а то ведь и равному себе он не даёт спуску. Верно ты слышал, как он съехался однажды на мосту с паном Калиновским, старостою винницким, и приказал ему уступить дорогу, а тот, такой же сорванец как и он, не исполнил приказания; Потоцкий, имея при себе более дворни, нежели Калиновский, приказал вытащить его из коляски, разложить на дороге и всыпать ему сто пятьдесят плетей. Правда, что вследствие этого была у них большая тяжба; выиграл её, конечно, Калиновский, которому Потоцкий должен был заплатить двести тысяч злотых за бесчестье. Да на что Калиновскому деньги? он и сам богач; староста винницкий даже их и не тронул, а приложил к ним ещё столько же своих, да на все эти деньги и построил монастырь во имя Богоматери. Оттерпелся, зна-

чит, во славу Божию. — Но, знаешь, староста каневский боится смерти, потому что, как он сам говорит, ему приведётся непременно попасть в когти дьяволу; он всё вытерпит, только б не убили его.

Рассказав всё это своему приятелю, пан Юзеф набил снова трубку, закурил её, пожал дружески руку пану Яну и уходя сказал ему: "Да не нежься долго, а то мне за тебя будет стыдно".

После отъезда приятеля из корчмы, шляхтич то лежал, то ходил по комнате, и когда заметил, что он уже может отправиться в путь верхом, оседлал своего коня, уложил все свои безделки в мешок, припоминая сколько они наделали ему горя, рассчитался с добрым Ицкой и осторожно сев на своего скакуна пустился далее во имя Божие.

После рассказанного происшествия прошло несколько недель, а быть может прошло даже и несколько месяцев. Шляхтич уже изредка думал о том, как бы отомстить магнату за нанесённую обиду; он нашёл для себя очень хорошее место при дворе какого-то воеводы, который полюбил его и оказывал ему

большое доверие.

Случилось однажды, что воевода отправил куда-то с письмом пана Яна; при этом ему нужно было ехать через Бучач, где жил в то время староста каневский. Тут вспомнил пан Ян завет своего доброго приятеля – отомстить оскорбителю. Недолго думал об этом сметливый шляхтич. Сделал он себе из холста четыре большие мешка: в один из них он насыпал ячменных круп, в другой гречневых, в третий гороху, а в четвёртый пшённых круп, всё это вложил в дорожный вьюк и не без цели отправился по дороге в Бучач, приноровив так, чтобы там непременно быть в субботу.

Подъехал шляхтич к местечку, и когда приблизился к столбу, на котором было поставлено изображение Богоматери, то увидел, что на ступенях под этим столбом сидит в лохмотьях какой-то старикашка, а около пояса у него было с каждой стороны по большому мешку.

Быстро взглянул шляхтич на старика своим соколиным взглядом и тотчас догадался кто такой был этот попрошайка. Забилося крепко сердце шляхтича, когда он увидел

пред собою предмет своего давнего мщения.

– Да будет похвалено имя Господне! – сказал шляхтич, поравнявшись со старикашкой.

– Во веки веков, – отвечал седобородый, низко кланяясь путнику.

Хриплый голос старика окончательно убедил шляхтича, что это был тот самый, с кем он хотел переведаться. Шляхтич слез проворно с лошади и привязал её к дереву. Между тем старик громко и с воздыханиями читал "Отче наш". Шляхтич, слезши с коня, стал рыться в своём дорожном вьюке и, вытащив оттуда один за другим приготовленные мешки, сказал:

– Давай-ка, дедушка, свою торбу; я тебе насыплю ячменных круп, а ты помолишься за душу раба Божьего Яна.

– Пошли ему, Господи, царство небесное, – отвечал старик, подставляя прикреплённую у бока суму.

Шляхтич всыпал туда ячменных круп доверху, а старик завязал крепко-накрепко свою суму, перегибаясь на бок от её тяжести.

– Ну, дедушка, – сказал снова шляхтич, – подставь теперь другую торбу; достанешь ты

гречневых круп, за душу рабы Божией Катерины.

Старик подставил суму, прикреплённую с другого бока; шляхтич насыпал туда гречневой крупы до верху, а старик крепко завязал суму, которая потянула его на другой бок.

– Ну, дедушка, – сказал шляхтич, – давай теперь третью суму, я насыплю тебе гороху, а ты помяни раба Божьего Францишка.

С трудом, от тяжести двух сум, наполненных уж крупой, повернулся старик спиной к шляхтичу. Оказалось, что у него назади была третья торба.

Насыпал шляхтич эту торбу горохом до верху, и уже сам завязал её как можно покрепче. Старик едва стоял на ногах под тяжестью сделанного ему подаяния.

– Ну, дедушка, – сказал шляхтич, – подставляй теперь четвёртую торбу; я насыплю тебе пшённых круп, а ты помолишься за душу Матеуша.

Но четвёртой сумы у старика не оказалось.

– Так ты вот какой, старый бездельник! – грозно крикнул шляхтич, – народ возвращается теперь с праздника, хочет подать мило-

стыню во имя Богоматери, а у тебя нет и торбы, куда б положить подаяние! Ах ты, негодяй! Постой же, вот я сейчас выучу тебя!..

С этими словами, шляхтич вытащил из-за пояса пребольшой арапник. Старик с крепко привязанными к нему сумами не мог двинуться с места; вдобавок он запутался в своих лохмотьях. Здоровый и молодой шляхтич осилил его в минуту, и повалив на землю принялся отсчитывать ему сплеча две сотни ударов арапником. Потоцкий вертелся и ёжился как вьюн, но не кричал, а только сопел, пыхтел и скрежетал зубами.

– Будь теперь здоров, – дедушка, сказал шляхтич, затыкая арапник за пояс, – помни, быть может ты когда-нибудь поблагодаришь меня за науку; сам ты знаешь, что наука не волк: в лес она не убежит. Помни также, дедушка, – добавил шляхтич, кивнув дружески Потоцкому головою на прощанье, – что какою мерою ты меряешь, такую же тебе возмерится.

Сказав это шляхтич сел на своего скакуна: пыль взвилась под конскими копытами, и шляхтич скрылся на большой дороге.

Отвязав кое-как свои торбы, старик кинулся в свой замок, и сбросив там с себя лохмотья созвал своих надворных казаков и крикнул им:

– Эй, ребята! Сейчас через Бучач проехал шляхтич на вороной лошади, в синей шапке. Догоняйте его! А тот, кто приведёт его ко мне, получит любого коня из моих табунов и в придачу сто червонцев.

Как вихрь помчались казаки в погоню за шляхтичем. Уверенный в том, что его нескоро ещё будут преследовать, шляхтич ехал уж шажком за Бучачем, когда вдруг на него с гиком налетели со всех сторон казаки. Шляхтич притворился, что он ничего не знает, не ведает.

– С чего вы вздумали разбойничать на большой дороге? – крикнул он казакам, и обнажил свою саблю.

Но казаки припёрли его ко рву, конь шляхтича споткнулся и упал. Дело вышло плохо. Казаки схватили его; крепко стянули верёвками и ремнями по рукам и по ногам и положив, как барана, на две лошади потащили его в замок на расправу.

С удивлением узнали возвратившиеся казаки, что пан их сделался вдруг болен и что он слёг в постель, чего с ним от роду не бывало. Один только шляхтич смекал причину болезни ясновельможного, но не говорил ничего. Когда донесли Потоцкому, что беглец пойман, то он приказал привести его к себе. Обмер шляхтич и пошёл на верную погибель. Когда он вошёл в спальню, где лежал староста, то Потоцкий велел шляхтичу подойти к постели, и сказав казакам: "Накормите лошадей!", бросил им мешок червонцев. Обрадованные казаки выбежали опрометью из комнаты, а Потоцкий, вперив свои глаза в бедного шляхтича, спросил его как-то рассеянно:

– А что, узнал теперь ты меня?

– Не имел ещё счастья никогда встречаться с вашей милостью, – отвечал бойко шляхтич, почтительно кланяясь магнату.

– Не лги, братец! – заметил староста, – мы с тобой знакомы давно, да я-то на беду променял быка на индейку, да вот ещё даю тебе и это в придачу.

С этими словами, вынувши из шкатулки

коробку, опечатанную с двух сторон, Потоцкий бросил её шляхтичу в шапку.

– Сосчитаешь это дома, – сказал он, – но, братишка, смотри, если ты хоть кому-нибудь, если даже хоть матери родной, расскажешь о том что между нами было, то не будь я Потоцкий, ежели я не велю отсчитать тебе столько же плетей, сколько я получил от тебя сегодня... а теперь поезжай с Богом!..

Задумался шляхтич, и не отвечая ничего, почтительно поклонился Потоцкому и затем вышел из его спальни.

Только за Бучачем опомнился шляхтич и перевёл спокойно дух. Он прежде всего поблагодарил Бога за своё избавление от страшной напасти, а после этого раскрыл ларчик, брошенный ему в шапку старóстой, и нашёл в этом ларчике сто червонцев.

Возвратясь домой, шляхтич с молитвой пересчитал ещё раз свои червонцы, протёр глаза, как будто не веря тому что он видит и потом... взяв в аренду фольварк, зажил сам настоящим паном.

Примечания

Старóсты первоначально были правителями областей, судьям и предводителями местной шляхты при выступлении её в поход. Впоследствии звание старóсты было почётною наградой за заслуги Речи Посполитой; Сигизмунд III начал отдавать старóстам королевские имения, с большою властью и со взносом только четвёртой части дохода с этих имений на содержание войска.

[^^^]